

Доклады советской делегации. Улан-Удэ: Издательство восточной литературы, 1987. С. 44–53.

Клюева Н.И., Михайлова Е.М. Накосные украшения у сибирских народов // Сборник МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1988. Т. XLII. С. 106–128.

Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Часть третья: этнографические известия. СПб., 1832.

Попова Л.Ф., Старостина О.В. Знаковые средства маркировки возраста в женских головных уборах народов Средней Азии и Казахстана // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2004–2005 гг.: Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 100–102.

Рахимов Р.Р. Дети и подростки в афганском обществе // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 1983. С. 89–117.

Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 299–353. (Труды Института этнографии, новая серия, том XXI.)

Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1982.

Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.

Юрченко А.Г. Мужская прическа XIII в. // MONGOLICA-VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 63–68.

И.В. Стасевич

ДОБРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАЗАХОВ

Следуя нормам казахского адата, после уплаты основной части калыма жених имел право посещать свою невесту. Иногда первое официальное посещение (*урын-бару*) было и первым знакомством будущих супругов. В источниках говорится о том, что уже в это время жених мог оставаться на ночь в ауле невесты и после первого открытого посещения, еще до бракосочетания, достаточно часто навещал ее (Алтынсарин 1870: 111; Востров 1956: 37). Эти встречи назывались *калындык-уйнау* (Плотников 1870: 129) (*калыңдык-ойнау*. — И. С.) — «игра с невестой». Если жених с невестой были знакомы, то еще до первого официального посещения женихом аула родителей невесты после урегулирования всех вопросов, связанных со сватовством, юноша тайно

приезжал к девушке и встречался с ней в ночное время суток (Плотников 1870: 128–129). Эти тайные ночные свидания (*жасырын-келу*) устраивали снохи семьи невесты, которые часто силой приводили невесту на встречу к жениху, получая за это от него подарок. Подобные встречи обычно происходили в юрте старшего женатого брата девушки.

Вопрос о добрачных сексуальных отношениях невесты и жениха остается спорным, сведения очень противоречивы. Авторы XIX — начала XX в. в своих описаниях быта и нравов казахов практически не раскрывают эту тему. Известно, что целомудренности невесты в традиционном обществе придавали большое значение. Жених, убедившийся в первую брачную ночь в порочности невесты, мог потребовать у ее отца возврата калыма, а саму девушку вернуть в семью. Иногда жених требовал от отца незадачливой невесты либо вернуть калым, либо отдать ему другую незасватанную дочь. В таком случае честь невесты оказывалась опороченной на всю жизнь. Подобного положения вещей старались не допустить, так как такую девушку замуж выдать было практически невозможно, а тем более получить за нее достойный калым. Обычно, если жених предъявлял претензии, отец невесты предпочитал заплатить штраф — *айып* — в размере 40 кобылиц или вернуть половину уже полученного калыма, только чтобы сохранить договоренность о браке своей дочери и избежать скандала (Диваев 1900: 18). Самым страшным позором считалась беременность и рождение ребенка девушкой в доме родителей. Этого старались избегать всеми возможными способами. Даже если девушка беременела от своего жениха, то сам этот факт старались скрыть и ускорить процесс заключения официального брака даже с потерей части не уплаченного еще женихом калыма.

Нормы обычного права не столько защищали честь самой девушки, сколько были направлены на защиту интересов всех членов семейно-родственной группы. Семья невесты могла обвинить жениха в том, что он насильственным образом принудил невесту к сожительству еще до официального заключения брака. В таком случае, как отмечают авторы-составители сводов адата, жениха с позором отправляли домой, лишая невесты и уже уплаченного калыма, подвергая насмешкам и телесным наказаниям (ЦГА РК. Ф. 4. Д. 2798. Л. 60–68, 80; Баллюзек 1871: 69 и др.). Родители оговоренной девушки могли прибегнуть к присяге, чтобы доказать ее невинность. Жених сам выбирал двух представителей семейно-родственной группы невесты, которые в присутствии бия заверяли жениха и его семью в целомудрии девушки. Если же жених настаивал на порочности невесты, то он также

мог попросить двух своих родственников под присягой заверить его слова (Баллюзек 1871: 45–167). Но если заявление жениха признавалось безосновательным, то он обязан был заплатить штраф за попытку обесчестить семью невесты. А если семья поруганной девушки была уважаемой и знатной, то она могла потребовать даже смертной казни жениха за оскорбление, нанесенное всем родственникам невесты (ЦГА РК. Ф. 4. Д. 2798; Степной закон... 2000: 29). Такие громкие дела, как правило, решал суд биев. Однако чаще всего семейные дела решались мирно, все спорные вопросы регулировались путем уплаты штрафов. Если семьи молодых людей были заинтересованы в заключении брачного союза, то даже в случае обольщения девушки родители молодых людей находили выход из создавшейся ситуации, договариваясь на взаимовыгодных условиях заключить брак и предотвратить возможный скандал.

Притом что в ряде источников приводятся сведения о большом значении, придаваемом целомудрию невесты, некоторые из авторов XIX в. все же отмечали наличие добрачных сексуальных связей среди казахской молодежи (П. 1878: 23). Главное условие такой взаимосвязи, чтобы девушка до брака не родила ребенка. И в этом отношении большая роль отводилась старшим женщинам семьи, которые обучали девушек элементарным навыкам народной медицины по предотвращению нежелательной беременности. Кроме того, добрачная связь допускалась только между молодыми людьми одного аула. Считалось большим позором, если девушка без согласия родителей и без договора о браке начинала встречаться с мужчиной из другого аула и тем более из другого рода (П. 1878: 23). Напомню, что казахи строго придерживаются экзогамного брачного барьера. Но в случае добрачных связей казахи, наоборот, предпочитали вступать во взаимоотношения исключительно со «своими», что, по-видимому, объясняется тем, что от такой связи не должен был появиться ребенок, а следовательно, экзогамный барьер становился необязательным. С точки зрения самих казахов, такие связи и были разрешены только потому, что не вели к заключению брака и рождению ребенка (ПМА).

Библиография

Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // ЗОО РГО. Казань: Университетская тип., 1870. Вып. I. С. 101–116.

Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в малой киргизской орде силу закона // ЗОО РГО. Казань: Университетская тип., 1871. Вып. 2. С. 45–167.

Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 5–104.

Диваев А. Несколько слов о свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области (записано со слов киргиза Чимкентского уезда Ногай-Куринской волости И. Ахенбекова) // Ученые записки КИУ. Казань, 1900. Кн. IV. С. 1–27.

П. Обычаи киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. СПб., 1878. Т. 137. С. 22–66.

Плотников В. Заметки на статью г. Алтынсарина «Очерки обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства», читанную в Оренбургском отделе Имп. РГО 23 марта 1868 г. // ЗОО РГО. Казань: Университетская тип., 1868.

Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен: Сборник документов / Сост., вступит. ст., коммент. и глоссарий А. А. Никишенкова. М.: Старый сад, 2000.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2798. О киргизских обычаях, имеющих в степи силу закона. Собраны поручиком Аитовым, письмоводителем Белозеровым, письмоводителем Ячменевым и др.

ПМА — полевые материалы автора, Республика Казахстан: Алмаатинская обл., Восточно-Казахстанская обл. (1998 г.); Актюбинская обл., Западно-Казахстанская обл. (2006 г.).

В.Ю. Крюкова

ТАДЖИКСКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД КАК ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ИНДОИРАНСКОГО МИФА И РИТУАЛА

Обряды жизненного цикла ираноязычных народов Центральной Азии, как представляется, можно с полным правом назвать, следуя за индийскими грихьясутрами, обрядами жертвоприношения. Эти жертвоприношения не являются простым приношением даров божеству: в качестве жертвы выступает сам жертвующий, а его жизнь выкупается заместительным жертвоприношением. В сущности, все эти обряды не являются самостоятельным изобретением, а лишь повторяют древнейший индоиранский ритуал жертвоприношения, положивший основу существования мира, многократно описанный поэтическими и ритуальными текстами начиная с Ригведы. Так как первая жертва (запустившая ход мироздания) была многочастной (человек, животное, растение, вода, огонь), то и каждая последующая жертва, каждый ритуал в качестве неперменных атрибутов сопровож-

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАЗАХОВ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ РК (НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Известно, что среди обрядов жизненного цикла казахов свадебная обрядность считается наиболее подверженной влиянию современных форм культуры. Несомненно, в советское время произошло заметное упрощение обрядового оформления брака, получили распространение, так называемые студенческие и комсомольские свадьбы. Не вдаваясь в подробное описание процесса адаптации традиционных форм культуры в постсоветское время, отметим, что, как показывают полевые материалы последних лет, свадебный обряд казахов, как в сельской местности, так и в городской среде, в настоящее время, сохраняет традиционную структуру: сватовство-сговор, период свиданий жениха и невесты, собственно свадьба. По сути, за последние 100 лет изменилась не структура обряда, а ритуальное наполнение отдельных его этапов, традиционная процедура их оформления заметно упростилась по сравнению с «классическим» вариантом, зафиксированным исследователями культуры казахов в XIX — начале XX века.

Возросший в постсоветское время интерес к своей родословной и знание *шежире* способствуют сохранению среди казахов семипоклоленного брачного барьера, нарушение данного обычая расценивается как «недопустимое преступление» и встречается достаточно редко, сохраняется и запрет на брак для детей родных братьев (разновидность ортокузенного брака). С другой стороны брачная изоляция женщин из *торе* нарушена — запрещенные в прошлом браки мужчин, принадлежащих к *қара сүйек*, и женщин из *торе* в настоящее время достаточно широко распространены.

Процент межнациональных и межконфессиональных браков по сравнению с советским временем заметно сократился, несомненно, это связано с национальным размежеванием этносов, в прошлом составлявших «единый советский народ». При заключении межнациональных браков предпочтение отдается варианту: муж казах — жена представительница другого этноса. Только при таком варианте дети, рожденные в межнациональном браке, наследуют родство по линии отца и включаются в казахскую родовую структуру.

Традиционная оценка непререкаемости родства по линии отца и сохранения родовой организации общества хорошо заметна и в обычае заключения *левиатного* брака. В настоящее время случаи заключения на официальном уровне подобного брака единичны, обычай *левиата* заменяется практикой проживания вдовы, которая остается не-

замужней до конца жизни, с семьей умершего мужа. В таком случае к женщине относятся с большим уважением, считая, что она посвящает свою жизнь воспитанию детей по традициям семьи их отца. А если вдова все же решается на повторное замужество с представителем другой семейно-родственной группы, то часто поступает как в случае развода — оставляет детей или хотя бы одного сына на воспитание родителям и родственникам умершего мужа.

Несмотря на то, что ушли в прошлое такие традиционные формы заключения брака, как колыбельное сватовство (*бесік куда*), обменный брак (*карсы куда*), брак с отработкой калыма в хозяйстве будущего тестя, до сегодняшнего дня среди казахов сохраняется несколько способов заключения брака, самый распространенный — через сватовство при обоюдном согласии родственников жениха и невесты, другой способ — умыкание невесты. Но и в том и в другом случае структура обряда остается неизменной, меняется лишь очередность этапов. Женидьба путем умыкания невесты начинается либо со сватовства, за которым следует похищение девушки и завершается свадьбой, либо — с похищения невесты и завершается примирением сторон через сватовство и свадьбу.

Умыкание девушки при ее согласии и с разрешения ее родителей в настоящее время является своего рода игровой формой обычая, к ней прибегают в случае необходимости сократить расходы семьи невесты на проведение свадебных торжеств, так как в этом случае свадебного *тоя* в доме невесты не совершают и ее родственники не присутствуют на празднике в доме жениха. Первое свидание молодых и родителей невесты происходит через несколько месяцев после свадьбы, тогда же родители молодой жены передают ей собранное приданое. Умыкание девушки без ее согласия, тем более умыкание чужой засватанной невесты более спорный способ заключения брака, целью которого является, в первую очередь, принуждение девушки к замужеству. До сих пор традиционные представления о правомерности тех или иных действий остаются значимым фактором при разрешении кризисных ситуаций, поэтому, даже если родственники украденной девушки обращаются в органы правозащиты, что случается достаточно редко, обычно конфликт разрешается силами двух семей, а девушка предпочитает остаться в новой семье и выйти замуж, так как возвращение в дом своих родителей по традиции рассматривается как позор для всей семьи. Так же как и в прошлые времена на умыкание девушки без согласия ее семьи решаются только те потенциальные женихи, социальный статус семей которых достаточно высок, и в случае конфликта их родственники смогут силой своего авторитета и материальными штрафами сгладить возникший скандал.

Свадьба в классическом варианте (со сватовством) делится на два этапа: первый *той* проходит в доме невесты (*қыз ұзату*), в момент приезда за ней жениха и сватов, второй — в доме жениха. Основным счита-

ется праздник в доме жениха, где традиционно и проходит обряд *беташар* («открывание лица невесты»), по мнению информантов, все еще являющийся символическим признанием заключенного брака родственниками жениха¹. Нужно отметить, что в целях финансовой экономии, несколько обрядов свадебного цикла могут совмещаться, например, по соглашению между семьями жениха и невесты, могут быть объединены помолвка (*сырга тагу*), знакомство родственников и *той* в доме невесты, на котором и происходит передача невесты жениху и сватам. В этом случае порядок праздничной трапезы остается традиционным, но меню отличается обязательным наличием блюда *куйрук-бауыр*.

В доме родителей невесты молодым не стелют совместную постель, так как религиозно брак освещается только по приезде брачующихся в дом жениха, откуда вся процессия и отправляется в мечеть, а затем в ЗАГС. Напомню, что у казахов по традиции, религиозное оформление брака происходило в доме невесты, в аул жениха девушка приезжала уже в статусе молодухи. Вероятно, что распространенная на сегодняшний день традиция оформления брака возникла и утвердилась под влиянием религиозных норм «классического» ислама.

Обряд *беташар* в городе проводят во время застолья, после посещения мечети и ЗАГСа, в сельской местности — во время свадебного *тоя*, иногда до государственной регистрации брака. Проведение обряда «открывания лица невесты» доверяют приглашенному тамаде (*асаба*). Во время церемонии молодая под белым покрывалом стоит на шкуре белого барана в окружении двух молодых женщин, уже ставших матерями, которые слегка поддерживают ее. К покрывалу привязан платок и *капча*, которую держит мальчик (обычно младший брат жениха). Рядом с ним стоит *асаба*, который поет для невесты песню-назидание: «больше работай, не сиди долго у зеркала, не крась лицо, уважай старших...». В ходе песни вспоминают умерших старших родственников, а затем называют ныне здравствующих родственников, которые выходят и кладут деньги в стоящую около *асабы* банку. Невеста при этом благодарит подателя, совершая поклон. После родственников наступает очередь друзей и знакомых. Представляет *асаба* выходящих с юмором: «вот брат невесты, он директор, как хорошо, что невеста ни в чем не будет нуждаться...» и далее в том же духе. В заключение *асаба* поет благопожелания и говорит, что время настало открыть лицо, «у меня легкая рука, у всех, кому я это делал — счастливая судьба». После того, как лицо молодой открыто, свекровь (или бабушка) повязывает ей платок в знак смены ее статуса. Затем следует чтение *бата* и собравшиеся приглашаются к трапезе.

Обязательными элементами свадебной обрядности остаются традиции скрывания невесты в доме жениха за специальным занавесом (*шымылдык*), помазание лица невесты разогретым маслом как факт приобщения молодой к новой семье, обсыпание молодых *шашу* (сухо-

фруктами, орехами, конфетами, *баурсаками*), система традиционного дарообмена между семьями жениха и невесты. Так, отправляясь за невестой, жених, в сопровождении четырех сватов, берет с собой собранный матерью чемодан с традиционным набором подарков родственникам невесты. Ковер дарят родителям невесты («для умерших предков»), матери отдельно — золотые серьги — *ана сүті* (плата за «молоко матери»), жене старшего брата невесты — *шапан*, женам младших братьев невесты — цепочки или отрезки ткани, 10 тыс. тенге — общий подарок, 1–3 и более тыс. тенге — на резку скота, 1 тыс. тенге — на блюдо жениха (когда жениху подносят блюдо с *бешбармаком*, он должен дать денег), 1 тыс. тенге на чай. Также посылаются фрукты, конфеты, коньяк и шампанское к столу. Сторона невесты готовит ответные подарки родственникам жениха и сватам: ковры, золотые украшения, отрезки ткани, верхнюю одежду, деньги, традиционный набор продуктов и напитков к столу.

Наиболее устойчивой традицией в свадебной обрядности казахов является подготовка невесте приданого (*жасау*). Даже во времена комсомольских и студенческих свадеб этот обычай, по словам информантов, сохранял свое значение как обязательная подготовка девушки к замужеству. Состав приданого традиционен — повседневная и праздничная одежда, украшения, постельные принадлежности, напольные и настенные ковры, войлоки, посуда, мебель. Плохое приданое — позор для семьи невесты. С целью пополнения приданого недостающими вещами, за 1–2 недели до свадьбы в доме невесты проводят *жеңге-той*, на котором родственницы невесты (ведущая роль отводится женам братьев невесты) просматривают приготовленное приданое. За некоторое время до *тоя* родственницы узнают у матери невесты, каких предметов не хватает в приданом и стараются восполнить недостачу за счет своих средств.

К вечеру дня свадебного *тоя* в доме жениха вновь проходит обряд смотрения приданого, но уже для родственников жениха. Демонстрирует приданое родственница невесты, как правило *жеңге*, поочередно показывая вещи, входящие в его состав и называя имена родственников, участвующих в подготовке приданого.

В отличие от традиции подготовки приданого обычай выплаты *калыма* в советское время был запрещен на официальном уровне. Поэтому передача *калыма* семье просватанной девушки нередко принимала скрытые формы, например, оформления через администрацию рынка фиктивной продажи скота семье невесты или тайной передачи родителям невесты оговоренной денежной суммы. Свое значение *калым* сохранял преимущественно в южных районах Казахстана, тогда как на севере и западе страны этот обычай, особенно в советский период, не соблюдался. В настоящее время обычай выплаты калыма получил более традиционное оформление, несмотря на то, что в отдельных районах Казахстана он заменен традиционными подарками семье невесты

и собственно свадебными расходами, которые берет на себя семья жениха.

Через 2–3 дня после свадьбы женщины собираются пить чай после обеда у молодой снохи (*келін шай*). Наливать чай — это тоже искусство и женщины придирчиво смотрят, как молодая будет это делать. Для нее главное на этом испытании не растеряться, соблюсти правильные пропорции молока и чая, не перепутать пиалы. За эти «смотрины» женщины дают снохе подарок (300–500 тенге), который молодуха обычно отдает свекрови или с ее разрешения тратит на свои нужды.

Родственное общение между семьями жениха и невесты начинается с обряда *тәтті шай* (*коже котнас*): через какое-то время после свадьбы родственники жениха приглашают в гости родственников невесты, затем наоборот — семья невесты приглашает в гости сторону жениха. Таким образом, данный обряд может считаться завершающим этапом свадебных церемоний, после его проведения общения между сторонами становится свободным, родственным.

Резюмируя изложенные материалы по свадебной обрядности казахов Актобинской области, нужно еще раз подчеркнуть отличия современных традиций от их «классических форм», существовавших в XIX — начале XX века, однако сохранение устойчивого ядра некоторых из них, и в первую очередь относящихся к обрядам жизненного цикла, говорит в пользу того, что традиционное виденье мира продолжает оставаться одним из действенных способов самоидентификации человека.

¹ Обряд *беташар* не проводят в случае заключения брака с разведенной женщиной или вдовой.

О.А. Гудимова

ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ В ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ КАЗАКОВ КУБАНИ

В народных песнях казаков Кубани всех жанров скрыт богатый материал для фольклористов, историков, этнографов и т.д. Нас интересуют лирические и, близкие им, плясовые песни казаков. По мнению авторов учебника «Русский фольклор» Т.В. Зуевой и Б.П. Кирдана,

**ОБЫЧАЙ УМЫКАНИЯ НЕВЕСТЫ: АКТ НАСИЛИЯ
ИЛИ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ?
(на примере казахской культуры)**

Широко известный обычай заключения брака путем умыкания невесты (казах. *қыз алып қашу*) в последние годы вновь привлек к себе внимание исследователей и публицистов. Если в советское время количество подобных браков, исходя из данных как официальной, так и неофициальной статистики, заметно сократилось по сравнению с более ранними периодами, то в первое время после обретения бывшими советскими республиками Центральной Азии независимости эта цифра вновь увеличилась. Это было связано с тем, что в общем русле политики возрождения национальных традиций и исторической памяти этноса обычай умыкания невесты закрепился как исконная «народная» традиция. Апелляции к законодательным мерам, предусматривающим возможную уголовную ответственность за похищение и принуждение девушек к замужеству, лишь незначительно ослабляют позиции поборников «традиций предков». Дело в том, что если в уголовном кодексе Казахской ССР была статья, касающаяся пережитков прошлого, в том числе и обычаев, связанных с насильственным похищением невест, то в постсоветском законодательстве наказание предусматривается только за похищение человека, насильственное принуждение при вступлении в брак не рассматривается как отдельный вид преступления.

Но вернемся в прошлое: обычай похищения невест действительно имеет в казахской культуре прочные древние корни. Но в каких случаях жених прибегал к этому способу заключения брака, расценивался ли этот способ как желательный для всей семейно-родственной группы молодого человека или был вынужденной мерой в сложившихся обстоятельствах?

Напомню, что практика умыкания невест существует в двух видах: при согласии невесты, а часто и при договоренности с ее родителями, и без ее согласия. Умыкание девушки при ее согла-

сии является своего рода игровой формой обычая. Слезы о дочери, поиск ее, возмущение матери и отца, попытки уговорить вернуться часто производят впечатление ожидаемого от родителей невесты поведения и являются частью обычая с заранее запрограммированным результатом. Нередко причина такого вида умыкания состоит в том, чтобы сократить калым или заменяющие его подарки родственникам невесты, материальные расходы семьи невесты на проведение свадебного тоя, так как в этом случае масштабного праздника в доме невесты не происходит, ее родители, по традиции, не присутствуют даже на самой свадьбе в доме жениха. Лишь через несколько дней после умыкания девушки сваты и молодые посещают семью невесты с подарками и с просьбой о прощении. Одним из основных моментов всей свадебной церемонии является получение благословения от родителей, и отсутствие такового со стороны старших родственников невесты расценивается как отступление от традиции. Поэтому цель визита сватов и жениха с невестой в дом родителей девушки — получить благословение, договориться о дне свадьбы и о приданом. Получение приданого обязательно, статус невесты, не имеющей приданого или получившей «бедное наследство», заметно понижается в семье мужа. Приданое становится своего рода символом благосостояния и социальной значимости всей семейно-родственной группы девушки и таким образом утверждает степень ее «защищенности» в чужой для нее семье.

При встрече делегации родители девушки могут разыграть обиду и осуждение, демонстрируя сватам и всем представителям семьи жениха, позволившей «украсть» их дочь, свое недовольство. Однако если ситуация умыкания была запланирована при обоюдном согласии сторон, а детали свадебной церемонии оговорены заранее, то достаточно быстро встреча переходит в формат праздничного застолья.

Ко второму виду умыкания прибегают с целью исключить возможный отказ со стороны невесты и ее семьи. Девушку похищают на улице, иногда подговорив ее подруг привести потенциальную жертву в определенное место, затаскивают в машину и стараются как можно быстрее увезти подальше от дома, обычно в семью

близких родственников похитителя, но не в дом его родителей, где девушку будут искать в первую очередь. Главное для похитителей — протянуть время до момента обнаружения похищенной, в течение которого женщины из семьи жениха постараются правдами и неправдами уговорить девушку остаться в новой семье. Ведущая роль в этом деле отводится старшей женщине, которая в прямом смысле слова ложится поперек порога и не дает девушке уйти. По традиции, переступить через пожилого человека считается большим грехом. Мать молодого человека старается накинуть на голову потенциальной невесте белый платок — знак ее формального согласия на брак. И в этом случае экономический фактор играет свою роль, так же как и при согласованном умыкании происходит сокращение свадебной церемонии, *той* в доме невесты не проводят, и этот момент учитывается родственниками девушки, которые раньше или позже приезжают в дом похитителя разбираться в случившемся. В зависимости от ситуации может сократиться и сумма калыма, бывают случаи, когда калым вообще не выплачивается семье невесты, но в Казахстане это случается крайне редко.

Достаточно часто родственники с обеих сторон достигают договоренности, и родители похищенной невесты дают согласие на брак вне зависимости от решения самой девушки. Бывает и так, что на момент, когда родственники похищенной находят ее через несколько дней, свадебная церемония уже проведена и девушка стала женой похитителя. Забрать ее домой решается не каждая семья, так как мало того, что она, даже и против своей воли, стала законной женой, она считается опозоренной и рассчитывать на брак в будущем ей уже не приходится. Как правило, семьи садятся за стол переговоров. Украденные девушки, даже не прошедшие обряд бракосочетания, очень редко возвращаются домой, так как окружающие по традиции расценивают это как позор для семьи девушки и позор для семьи несостоявшегося жениха, который не смог удержать невесту.

Итак, обозначим причины, по которым молодой человек идет на похищение девушки. В первую очередь, при обоюдном согласии сторон, как я уже отмечала, имитация похищения девушки

проводится с целью сократить расходы на свадьбу, т.е. по экономическим причинам. Этот немаловажный фактор обеспечивает до настоящего времени жизнестойкость в обществе традиции брака по согласованному умыканию невесты. По словам информантов, этот обычай получил широкое распространение в советское время: «Тогда закон был жесткий, мол, обычай этот мы искоренили... а все равно шли, конечно, на воровство... но все-таки чаще всего по согласию брали, девушка могла и не знать, что ее родители дали согласие на увоз, она плачет, думает, что братья помогут, а на самом деле все давно оговорено» [ПМА]. В советские годы, в период борьбы с исламскими традициями, такой способ заключения брака рассматривался как имитация народной традиции, как «правильный обычай», трансформировавшийся в игровую форму, исключая осуждаемое обществом насилие, хотя, по сути, он сохранил в себе традиционную основу заключения брака через принуждение. Не будем забывать, что формальное согласие девушки на брак далеко не всегда означает ее действительное согласие, во многих случаях девушка просто не решается пойти против воли родителей, покорно принимая их выбор.

В традиционной культуре молодой человек мог пойти на похищение девушки с ее согласия или без него, если ее родители противились браку или сильно затягивали со свадьбой. В случае если жених похищал свою уже засватанную невесту, при нарушении некоторых условий сватовства со стороны ее родни, такой поступок не считался тяжким преступлением, особенно при уплате полного калыма. Обычно сторона жениха выплачивала семье невесты незначительный штраф. Но если юноша похищал чужую засватанную невесту, то это расценивалось как тяжкое преступление, влекущее за собой вражду между семейно-родственными группами. Заключение брака без согласия не только девушки, но и ее родителей нередко становилось источником жестоких межродовых столкновений и последующей судебной тяжбы, особенно если девушка была обещана другому и часть калыма за нее уже была уплачена. Закон, как правило, оказывался на стороне представителя более сильного и влиятельного рода. Жених мог пойти на такой риск, только заручившись полной под-

держкой своих намерений со стороны родни. Поводом к похищению избранницы могло быть и желание во что бы то ни стало заполучить понравившуюся девушку и показать окружающим свою удаль. Нередко оправданием такого поведения мужчины, как и основанием к заключению брака с несовершеннолетней, становилась отсылка к обычаю сорората, когда «овдовевший» жених, боясь, что сестру умершей невесты отдадут другому, шел на похищение даже малолетней девочки, которая по достижении половой зрелости становилась женой своего похитителя. Но это происходило только в том случае, если достигалось взаимопонимание между представителями двух родов, в противном случае девочку возвращали родителям.

В современной культуре сохраняется значение социально-экономического статуса семейно-родственной группы молодого человека, похитившего девушки, так как в любом случае решение по признанию законности брака принимается на уровне минимальных линиджей. Брак, по традиции, рассматривался не просто как союз мужчины и женщины, а как способ регламентации социальных отношений между двумя семьями, семейно-родственными группами, родами. В прошлом от того, как и с кем будет заключен брачный союз, зависели будущие отношения целых коллективов. И справедливости ради следует отметить, что многие современные девушки, воспитанные по традиционным канонам, с пониманием относятся к участию своих родителей в выборе для них брачного партнера, редкая девушка пойдет наперекор воли родителей. Другое дело, что современные родители стараются учитывать мнение своих дочерей и не навязывают им открыто свое мнение при выборе спутника жизни.

Немаловажной причиной умыкания невесты без ее согласия и согласия ее семьи остается необходимость обзавестись «парой женских рук» в хозяйстве, особенно это актуально для сельской местности.

Большое значение экономического фактора при выборе способа заключения брака наталкивает на мысль о том, так ли сильны идеологические устои поборников традиционализма в этом вопросе или все-таки материальная выгода становится основной

причиной выбора молодыми людьми заключения брака через похищение невесты. Для примера обратимся к практике умыкания невест в соседней Киргизии. Несмотря на то что в Киргизии в последние годы был принят закон, приравнивающий кражу невест с целью принуждения к браку к уголовному преступлению, что заметно сократило количество похищений девушек, цифра браков по принуждению там заметно выше, чем в Казахстане. Связано это со сложным экономическим положением страны, безработицей, внутренней и внешней миграцией и низким уровнем жизни — у молодых людей часто просто нет средств на уплату калыма, и сокращение трат на свадебные мероприятия в доме невесты тоже является не последним моментом при планировании свадьбы. Местные правозащитники подчеркивают, что в основном девушек воруют небогатые киргизы, жители сельской местности, как правило, безработные.

По оценкам организаций по защите прав женщин, ежегодно в Казахстане совершается до пяти тысяч похищений невест. Официальная статистика, учитывающая такие случаи, дает весьма искаженные данные, так как большинство семей и самих девушек, пострадавших в этих ситуациях, не обращаются в правоохранительные органы. Семьи стараются решить этот вопрос «по обычаю», не подвергая широкой огласке случившееся. Известны случаи, когда молодые девушки, понимая, что обратной дороги в родной дом нет, их семья отказалась принять «опозоренную» дочь, шли на крайние меры — кончали жизнь самоубийством. Но в большинстве случаев девушки мирятся со своей судьбой. И здесь будет уместно упомянуть о представлениях казахских женщин о женской судьбе. Эти представления во многом объясняют их покорность и принятие случившегося.

Многие женщины, вышедшие замуж по обычаю умыкания, подтвердили, что смирились и не жалеют о том, что случилось: «Любовь... она потом приходит, что должно было случиться, то и случилось, значит судьба такая, а если в доме к тебе хорошо относятся, то и ладно... дети родились, муж заботится о семье, жизнь наладилась, не сразу, конечно, но наладилась» [ПМА]. Несомненно, у многих женщин и сегодня сохраняется tradi-

ционный взгляд на подобную практику, на обязательные нормы поведения для женщин в определенных жизненных ситуациях. Казашки, в отличие от европейских женщин, считающих, что подобный обычай не согласуется с современным образом жизни, не склонны расценивать эту практику как прямое насилие над собой и часто рассматривают обычай умыкания как традиционный способ вступления в брак, освященный традициями предков. То есть для казахских женщин обычай похищения невест рассматривается как национальная специфика заключения брака, и часто при разговоре с ними возникает чувство, что отвергнуть эту традицию для них неприемлемо и сравнимо с отказом от устоявшихся веками этнических культурных стереотипов. Справедливости ради нужно отметить, что этот взгляд характерен для замужних женщин, жизнь которых сложилась, они имеют детей, их статус в семейно-родственной группе мужа достаточно высок.

Но есть и противоположная точка зрения женщин, которые понимают или по крайней мере не боятся говорить о том, что пережитая ими ситуация похищения и насильственного вступления в брак повлияла на их жизнь не лучшим образом. Многим пришлось отказаться от своих жизненных планов и строить жизнь по законам новой семьи. Они понимают, что в момент похищения оказались беззащитными, так как их семья не смогла или не захотела повернуть ситуацию вспять и вернуть их домой: «А что оставалось делать... куда уходить, дома не примут, скажут, иди обратно... в милицию, но и что дальше... одной остаться страшно, даже подруги не помогут, все отвернутся, скажут достоинство надо иметь, смириться» [ПМА].

Конечно, есть случаи, когда семья девушки не боится столкнуться с рядом трудностей и вопреки принятым в обществе правилам забирает ее домой. Но если церемония религиозного бракосочетания была совершена, даже без регистрации документов в ЗАГСе, осуществить процесс расторжения брака достаточно сложно. А если женщина решилась на развод после нескольких лет незарегистрированного брака, то она сталкивается с проблемой оформления документов на имущество и выплаты алиментов. Хотя законодательство Республики Казахстан позволяет до-

биться некоторых успехов в этом процессе, на практике осуществить его достаточно сложно, тем более если женщина живет в сельской местности.

Неофициальная статистика показывает, что около четверти всех браков, заключенных без согласия невесты, с применением бытового насилия, распадается и большая часть разводов совершается на второй-третий год совместной жизни. Получается, что девушка после похищения, боясь позора, не поддержанная своими родственниками, предпочитает смириться с судьбой и остается в семье похитителя, но по прошествии некоторого времени решается на развод. Развод в современном мире не редкость и рассматривается современными казахами как «неизбежное зло», конечно, нарушающее традиционное представление о браке, но являющееся реальией современной жизни. По-видимому, развод расценивается как менее позорный шаг по сравнению с возвращением домой после умыкания. Кроме того, информантки подтверждают, что женщину после развода, как правило, принимают родители и родственники и оказывают и материальную, и психологическую поддержку.

До настоящего времени существует практика похищения с целью замужества несовершеннолетних девушек. Это, пожалуй, самый острый вопрос, который активно обсуждается в обществе, среди правозащитников и в средствах массовой информации. Здесь также играет роль тот момент, что семья жертвы старается не обращаться в правоохранительные органы по тем же причинам, боясь позора, унижительного процесса расследования и осуждения окружающих. Если потерпевшая сторона не подает заявления о произошедшем, если не объявляются поиски пропавшей девушки, то никаких действий со стороны правозащитных структур не предпринимается, для возбуждения дела необходимо заявление от самой жертвы или от ее родственников.

Давайте обратимся к мнению самих казахов по этому вопросу. Пр процитирую координатора социальных программ Лиги женщин творческой инициативы Раису Процышину, которая проводила опрос школьников Алматы и Алматинской области по проблеме ранних браков. «В алматинских школах ребята 8–11 классов

в преобладающем большинстве негативно относятся к похищению невест и ранним бракам. Многие считают, что для создания семьи необходимо достичь определенного возраста, овладеть профессией и иметь материальный достаток. Однако в каких-то 30–40 километрах от Алматы ситуация резко меняется: в селах алматинской области, к примеру Бирлик и Отеген батыр, дети считают похищение невест некоей традицией, неизбежным атрибутом семейной жизни. Подростки воспринимают это как данность. А девочки говорят, что так, мол, выходили замуж их бабушки, мамы, сестры и так, возможно, выйдут замуж и они» [Ковалева 2014]. Таким образом, мы видим отношение городской и сельской молодежи к традиции похищения невест, оно различно, и, по-видимому, связано с уровнем образования и европеизированности быта и мировоззрения.

Так что же представляет собой современный обычай умыкания невесты — акт насилия или демонстрацию приверженности традициям?

Среди информантов преобладает мнение, что наиболее правильным и традиционным способом заключения брака является брачный союз через сватовство. Именно этот способ демонстрирует и благосостояние семей, их социальный статус в общей семейно-родовой структуре, и должное воспитание молодых людей, которые не пошли против воли своих родителей. Как один из вариантов заключения брака через умыкание невесты информанты называют похищение девушки по предварительному сговору. Но все опрошенные признают существование в современном обществе практики похищения девушек без согласования сторон. Одна часть информантов, как правило, городские жители, склонны рассматривать этот обычай как пример бытового насилия, характерный для культуры сельских жителей и в основном оралманов — переселенцев из Монголии, Узбекистана, Китая, другая часть, и среди них больше сельских жителей южных регионов, оценивают обычай похищения девушек в рамках традиционного способа заключения брачного союза.

И в традиционном, и в современном обществе причины умыкания невесты всегда связаны с отступлением от традиции, с на-

рушением естественного хода обряда. Эти причины могут быть различными по характеру, но следующие за умыканием невесты действия направлены на разрешение этого кризиса, особенно если умыкание совершено без предварительной договоренности. Кризисная ситуация разрешалась через уплату определенных штрафов, через переговоры двух семейно-родственных групп, которые часто заканчивались не отказом от калыма, а наоборот, его повышением, через корректировку порядка обрядовых мероприятий. Но если в традиционном обществе воровство девушек без согласия родителей было всегда наказуемо через систему материальных штрафов, общественное порицание, бывали случаи, когда муллу, который проводил обряд бракосочетания между юношей и девушкой, засватанной за другого, лишали звания, то в современном обществе нет ни системы имущественных штрафов, ни серьезного общественного порицания, а по сути нет и защиты со стороны правоохранительных органов.

Вопрос состоит в том, как донести до современной молодежи тот факт, что брак через похищение невесты никогда не был в традиционной культуре массовым явлением, потому что был наказуем. Современная система социально-экономических, а по сути и юридических норм, в отличие от традиционной, основанной на адате, не подразумевает подобных санкций, оставаясь на уровне декларируемых прав пострадавшей стороны. Получается, что в современной культуре два основных фактора влияют на жизнеспособность обычая умыкания невест: экономический и определенная юридическая безнаказанность. Однако не будем забывать и тот факт, что и сегодня в казахском обществе большое значение придается престижу семьи, ее статусу в обществе и афиширование случаев умыкания девушек без их согласия заметно понижает этот статус, особенно семьи «опозоренной» девушки, поэтому придание широкой общественной огласке случаев бытового насилия в этих регионах сведено к минимуму, а без официального заявления правоохранительные органы не имеют возможности возбуждения уголовного дела по факту похищения человека. Получается замкнутый круг. Остается слабая надежда на просвещение молодежи в вопросах реально существовавших

и приоритетных традиционных форм обрядности. Кроме того, в рамках общего процесса исламизации культуры в Центрально-азиатском регионе можно ожидать серьезных дебатов по поводу соответствия обычая умыкания невест исламским религиозным нормам как на уровне государственных структур и духовных лидеров мусульманской веры, так и среди рядовых членов религиозной общины.

Библиография

Ковалева Т. Принудительный брак в Казахстане: норма жизни. 2014. URL: <http://365info.kz/2014/07/prinuditelnyj-brak-v-kazaxstane-norma-zhizni>. (дата обращения: 30.10.2016).

Список сокращений

ПМА — полевые материалы автора, этнографические экспедиции в Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Алматинскую, Южно-Казахстанскую области 1998, 2007–2008, 2014 гг.

В.В. Цибенко

«МИКРОНЫ» И «МАКРОНЫ»: ЧЕРКЕССКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЕ ТУРЦИИ

Кавказская, или, как ее называют в Турции, черкесская, диаспора представляет несомненный интерес для исследования ввиду высокого динамизма развития. Она традиционно имеет большое влияние благодаря своей политической активности, приобретающей то явный, то скрытый характер. Тем не менее ей свойственна сегментарность, ведущая к идентификационной размытости и сопутствующим конфликтам идентичностей. На вопрос «кто мы?» представители диаспоры отвечают: черкесы, адыги, кавказцы, северокавказцы, турки, абхазы, чеченцы, ингуши, осетины и т.д. Наше исследование представляет собой попытку выявить, что